

Совет прекратил статус адвоката за неисполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем

Совет прекратил статус адвоката за неисполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что адвокат не явилась без уважительной причины в судебное заседание, в котором иск доверителя был рассмотрен по существу и было постановлено решение, а также не заявила ходатайство об отложении судебного разбирательства, тем самым оставив доверителя без квалифицированной юридической помощи. Оказание адвокатом юридической помощи без заключения соглашения об этом, а также удержание доверенности после окончания оказания юридической помощи, недопустимо.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием заявителя Х. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. ...возбужденное по жалобам Х. ...и в отношении адвоката В. ... возбужденное по жалобе Х.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 января 2019 г. адвокатом Р. допущены следующие дисциплинарные нарушения:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в том, что она не явилась без уважительной причины в судебное заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., в котором его иск к Департаменту городского имущества города Москвы был рассмотрен по существу и постановлено решение, а также не заявила ходатайство об отложении судебного разбирательства по делу ее доверителя, тем самым оставив своего доверителя Х. без квалифицированной юридической помощи;

– нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что она не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернула ему доверенность.

В оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению как вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, так и вследствие

отсутствия в иных действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии с тем же Заключением адвокатом В. допущено нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что она не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернула ему доверенность.

Заявитель жалоб Х. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме, дополнительно пояснил Совету, что после такого поведения его адвоката, как неявка в судебные заседания и оставление его без юридической помощи в суде, он потерял доверие к ней и подобным адвокатам.

Адвокат Р. в заседание Совета не явилась. Заключение Квалификационной комиссии, своевременно направленное адвокату Р. по указанному ею адресу, вернулось в Адвокатскую палату города Москвы в связи с неполучением его адресатом. В материалах дисциплинарного производства имеется служебная записка руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств аппарата Адвокатской палаты города Москвы... из которой следует, что адвокат Р. в телефонном разговоре... сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии она не знакома, так как находится на лечении в Х. городской больнице, являться в Адвокатскую палату города Москвы она не будет, просит, чтобы ей более не звонили, не беспокоили, никакого отношения к Адвокатской палате она иметь не хочет, и, если необходимо, пусть ей прекратят ее статус адвоката.

Адвокат В. в заседание Совета не явилась. В материалах дисциплинарного производства имеется служебная записка руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств аппарата Адвокатской палаты города Москвы... из которой следует, что адвокат В. в телефонном разговоре... сообщила, что с заключением Квалификационной комиссии она знакома, но являться в Адвокатскую палату города Москвы не будет, поскольку никакого соглашения с Х. у нее не было, и почему в отношении нее возбуждено дисциплинарное производство, ей не понятно, просила, чтобы ее более не беспокоили звонками и прочими уведомлениями.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя Х., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства. 5 апреля 2017 г. адвокат Р. заключила с Х. соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого указано представление адвокатом Р. интересов Х. в суде первой инстанции по вопросу обжалования решения ДГИ города Москвы. 7 апреля 2017 г. Х. оформил на адвокатов Р. и В. доверенность... которой уполномочил Р. и В. представлять его интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены

законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу. В апреле 2017 года адвокаты Р. и В. составили и направили совместное обращение в Департамент городского имущества города Москвы от 14 апреля 2017 г., в котором указали, что к ним «...за юридической помощью обратился гражданин Х.», и попросили «...сообщить информацию о состоянии очереди на предоставление отдельного жилья Х.». К данному обращению они обе приложили свои ордера адвокатов. 18 октября 2017 г. в П. районный суд города Москвы поступило исковое заявление Х. об обязанности Департамента городского имущества города Москвы предоставить жилое помещение, в котором указывалось, что представителями истца являются Р. и В. Данное исковое заявление было принято П. районным судом города Москвы к производству, гражданскому делу присвоен № ...13 ноября 2017 г. по данному гражданскому делу была проведена беседа, в которой со стороны истца принимала участие адвокат Р., и была определена дата рассмотрения иска Х. по существу – 20 декабря 2017 г. В указанный день по гражданскому делу... состоялось судебное заседание, в котором принял участие истец Х. Его представители, адвокаты Р. и В., участия в судебном заседании 20 декабря 2017 г. не принимали, поскольку на него не явились. Решением П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. в удовлетворении исковых требований к Департаменту городского имущества города Москвы об обязанности предоставить жилье Х. ему было отказано.

11 января 2018 г. Х. заключил с адвокатом Р. соглашение об оказании юридической помощи. Предметом данного соглашения указано «обжалование решения П. районного суда г. Москвы в Мосгорсуд». 29 января 2018 г. от адвокатов Р. и В., действующих на основании доверенности, в П. районный суд города Москвы поступила краткая апелляционная жалоба на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г., в которой они указали, что полная апелляционная жалоба будет подана после изготовления и получения мотивированного решения. Полная мотивированная апелляционная жалоба на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. от адвокатов Р. и В. поступила в суд 1 марта 2018 г., была принята к производству и назначена к рассмотрению судом апелляционной инстанции. 18 мая 2018 г. состоялось судебное заседание Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, в котором была рассмотрена апелляционная жалоба представителей истца Х., Р. и В., действующих на основании доверенности. Ни представители Х., адвокаты Р. и В., ни сам истец Х. в заседании суда апелляционной инстанции 18 мая 2018 г. участия не принимали, что следует из протокола судебного заседания от 18 мая 2018 г. и из апелляционного определения Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 мая 2018 г., представленных в материалы дисциплинарного производства П. районным судом города Москвы. Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 мая 2018 г. по гражданскому делу Х. решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. оставлено без изменения, а апелляционная жалоба представителей истца Х., адвокатов Р. и В. – без удовлетворения.

Распоряжением от 29 ноября 2018 г. об отмене доверенности, удостоверенным в нотариальном порядке, Х. отменил действие доверенности, выданной им адвокатам Р. и В.

17 апреля 2017 г.

В отношении адвоката Р. заявитель Х. в жалобе от 6 октября 2018 г. выдвинул дисциплинарные обвинения в том, что она:

- не включила в исковое заявление «важные и необходимые для верного вынесения решения по делу данные, следовательно, документы в полной мере адвокатом изучены не были»; – не явилась в судебное заседание П. районного суда города Москвы для представления и отстаивания интересов Х.;
- лишь со слов адвоката Р. заявителю Х. стало известно, что адвокат подала апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции, но с данным документом Х. по неизвестным ему причинам ознакомлен не был;
- ввела Х. «...в заблуждение, предоставив недостоверную информацию об исходе дела, чем принудила заключить соглашения об оказании юридической помощи...».

После заседания Квалификационной комиссии 28 ноября 2018 г. Х. подал вторую жалобу в отношении адвокатов Р. и В. В данной жалобе содержатся следующие идентичные дисциплинарные обвинения в отношении как адвоката Р., так и адвоката В. в том, что они:

- не вернули ему доверенность;
- не отдали ему «документы по Московскому городскому суду».

Также в данной жалобе Х. просил оказать содействие в возврате ему денежных средств, оплаченных им адвокату Р.

Рассматривая дисциплинарное обвинение, выдвинутое в отношении адвоката Р. по поводу неявки в судебное заседание П. районного суда для представления и отстаивания интересов Х., Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Тем самым адвокатом Р. было допущено нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающего обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя.

Так, адвокат Р., приняв поручение быть представителем Х. в гражданском деле по иску к Департаменту городского имущества города Москвы, не явилась в судебное заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., в котором иск доверителя Х. был рассмотрен по существу и по нему было вынесено решение. Причину своей неявки в судебное заседание П. районного суда города Москвы по делу Х. адвокат Р. объяснила тем, что на 20 декабря 2017 г., в 10.30, у нее было назначено судебное заседание К. районного суда города Москвы по продлению срока содержания под стражей ее подзащитного... о чем адвокату Р. сообщили буквально за день. В связи с этим она не могла не участвовать в

процессе по указанному уголовному делу, так как без нее как без защитника по соглашению не состоялся бы суд по уголовному делу. Из двух дел, назначенных на одну дату, она выбрала свое участие в уголовном деле в отношении подсудимого А., о чем адвокат Р. сообщила Х. и предложила ему направить судье К. ходатайство об отложении, поскольку она считала, что причина ее неявки должна быть признана уважительной. Оценивая позицию адвоката Р. о причине ее неявки в судебное заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., Совет соглашается с Квалификационной комиссией и признает ее несостоятельной по следующим основаниям. На официальном сайте К. районного суда города Москвы... размещена информация по рассмотрению материала по уголовному делу... из которых усматривается, что 26 октября 2017 г. суд избрал А. меру пресечения в виде содержания под стражей. Иных материалов, содержащих данные о том, что А. продлевался срок содержания под стражей, в том числе 20 декабря 2017 г., на сайте К. районного суда города Москвы не размещено. Из информации по уголовному делу... в отношении А., размещенной на сайте К. районного суда города Москвы, также следует, что по данному уголовному делу в 2017 году состоялись судебные заседания 21, 22, 29 декабря 2017 г. Адвокат Р., утверждая, что она принимала участие в качестве защитника А. в судебном заседании К. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., не только не представила в материалы дисциплинарного производства документы, подтверждающие данный факт, но и документально не подтвердила, что 20 декабря 2017 г. вообще состоялось судебное заседание по уголовному делу в отношении А. Кроме того, Совет вслед за Квалификационной комиссией учел, что защиту А. осуществляла, кроме адвоката Р., и адвокат В., что следует из приговора К. районного суда города Москвы от 14 марта 2018 г., в котором защитниками обвиняемого А. указаны оба эти адвоката. При таких обстоятельствах утверждение адвоката Р. о том, что без нее не состоялось бы судебное заседание по уголовному делу в отношении А., не соответствует действительности, поскольку защита А. могла быть обеспечена участием его второго адвоката.

Совет также отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката в случае конфликта судебных заседаний адвокат Р. должна была уведомить П. районный суд города Москвы о невозможности своего участия в заседании 20 декабря 2017 г. по уважительной причине, подтвердив при этом документально уважительность причины своей неявки в данное судебное заседание, заявить ходатайство об отложении судебного разбирательства по гражданскому делу Х. и согласовать с судом дату и время следующего судебного заседания по этому делу. Ничего из этого адвокат Р. не сделала, тем самым оставив своего доверителя Х. без квалифицированной юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. в части, касающейся указанного дисциплинарного обвинения, опровергнутой, а ее вину установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение адвокатов Р. и В. в том, что они не вернули доверителю Х. доверенность, которую он выдал им для оказания ему юридической помощи,

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии о нарушении адвокатами Р. и В. п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что они не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернули ему доверенность.

Так, материалы дисциплинарного производства свидетельствуют о том, что адвокаты Р. и В. получили от доверителя Х. доверенность от 7 апреля 2017 г., которой они пользовались при исполнении своих обязательств по оказанию ему юридической помощи, подписав в качестве представителей Х. две апелляционные жалобы на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г.

Анализируя содержание доверенности... от 7 апреля 2017 г., которой Х. уполномочил как Р., так и В. представлять его интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в соответствии с указанной доверенностью адвокат Р. и адвокат В. осуществляли свои полномочия самостоятельно, а следовательно, и отвечают за свои действия самостоятельно.

Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что, несмотря на отсутствие заключенного между В. и Х. соглашения в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», материалы дисциплинарного производства бесспорно свидетельствуют о том, что не позднее 14 апреля 2017 г. адвокат В. приступила к оказанию доверителю Х. юридической помощи и оказывала ее согласно документам, находившимся в материалах дисциплинарного производства, вплоть до подачи мотивированной апелляционной жалобы в интересах доверителя Х., поступившей в П. районный суд города Москвы 7 марта 2018 г., и действовала при этом именно в качестве адвоката.

Адвокат В. в своих письменных объяснениях от 15 января 2019 г. признала факт отсутствия соглашения с доверителем Х. в простой письменной форме, указав при этом, что она, «...если и осуществляла какие-то действия по его гражданским делам, то на добровольной безвозмездной основе». Далее адвокат В. указала, что «...судебная доверенность, которую составил Х., в частности, на адвоката В., наделяет только правами, но никак не накладывает обязанности на адвоката».

Совет, вопреки ошибочной позиции адвоката В., признает установленным, что Х., оформив на нее доверенность, уполномочил ее быть его судебным представителем, тем самым предоставив адвокату В. все права, которые согласно гражданскому процессуальному законодательству предоставлены истцу, ответчику, третьему лицу. Адвокат В. в свою очередь воспользовалась предоставленным ей данной доверенностью правом на судебное представительство интересов Х. и фактически приступила к оказанию ему юридической помощи по его гражданскому делу, чем формализовала свои отношения с Х., осуществив в

его интересах конкретные юридически значимые действия, свидетельствующие о том, что между нею и Х. возникли отношения по типу «адвокат–доверитель», которые выразились в подписании адвокатом В. обращения в Департамент городского имущества города Москвы, к которому она приложила ордер адвоката, указав себя в исковом заявлении в П. районный суд города Москвы в качестве представителя Х., в подписании краткой и полной апелляционных жалоб на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г.

Таким образом, жалоба Х. в отношении адвоката В. при изложенных выше обстоятельствах является допустимым поводом для возбуждения в отношении нее дисциплинарного производства.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, считает необходимым указать адвокату В. на то, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Соглашением об оказании юридической помощи от 11 января 2018 г., заключенным адвокатом Р. и доверителем Х., установлено, что предметом данного соглашения стороны определили обжалование решения П. районного суда города Москвы. Как уже отмечено выше, адвокат Р. совместно с адвокатом В. подали мотивированную апелляционную жалобу на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г., поступившую в суд 7 марта 2018 г. Если буквально оценивать предмет соглашения от 11 января 2018 г., то после принятия судом к производству апелляционной жалобы обязанность по обжалованию судебного акта первой инстанции адвокатом Р. была исполнена. Если расширительно толковать предмет соглашения об оказании юридической помощи от 11 января 2018 г., то исполнение обязательства адвоката Р. перед доверителем Х. по обжалованию решения П. районного суда города Москвы завершилось вынесением судебного акта судом апелляционной инстанции в судебном заседании 18 мая 2018 г.

Следовательно, удержание адвокатами Р. и В. после этой даты доверенности, которой Х. уполномочил их представлять его интересы в судах, является нарушением п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В своих письменных объяснениях от 24 октября 2018 г. ...адвокат Р. указала, что спустя несколько дней после судебного заседания суда апелляционной инстанции, состоявшегося 18 мая 2018 г., в котором она, по ее утверждению, принимала участие, она передала Х. оригиналы документов и доверенность.

Однако, как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Р. участия в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда 18 мая 2018 г. не принимала, а это означает, что адвокат Р. в этой части своих письменных объяснений по доводам жалобы Х. привела недостоверную информацию, опровергнутую копиями документов из материалов гражданского дела Х. С учетом данного обстоятельства довод адвоката Р. о том, что она якобы вернула подлинник доверенности Х., Совет также отклоняет как несостоятельный. Документально факт возврата доверенности Х. адвокат Р. не подтвердила.

Кроме того, заявитель Х. вынужден был прибегнуть к такому способу защиты своих прав, как отмена выданной им доверенности, что подтверждается распоряжением от 29 ноября 2018 г. об отмене доверенности, удостоверенным в нотариальном порядке (светокопия распоряжения приобщена к материалам дисциплинарного производства).

Как следует из Методических рекомендаций по ведению адвокатского производства (утверждены Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21 июня 2010 г., Протокол № 5), которые размещены в свободном доступе на официальных сайтах Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации www.fparf.ru и Адвокатской палаты города Москвы www.advokatymoscow.ru/ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:

– «Во избежание возникновения конфликтов и споров по поводу возможной утраты оригинальных документов адвокатам рекомендуется по возможности не хранить оригиналы предоставленных доверителям документов, а снимать с них копии и помещать их в адвокатское производство. Оригиналы документов целесообразно затребовать у доверителя по мере необходимости, когда они должны быть представлены в суд или иные органы. Рекомендуется также письменно фиксировать передачу таких документов от доверителя адвокату и наоборот» (раздел I);

– «При передаче подлинников документов адвокату, а также при последующем возврате их доверителю адвокату рекомендуется иметь в производстве их перечень и отметку об их получении, а затем о возврате. Наличие таких записей и расписок о получении позволит избежать возможных конфликтов между адвокатом и доверителем» (раздел III).

Адвокаты Р. и В. пренебрегли указанными Методическими рекомендациями и не смогли документально подтвердить факт передачи доверителю Х. доверенности.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов Р. и В. в этой части опровергнутой, а их вину в нарушении требований п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание, что они совершены умышленно, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, повлекли оставление доверителя без юридической помощи и утрату его доверия к адвокатам. Совет принимает во внимание, что ранее в отношении адвоката Р. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы... уже была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за профессиональную недобросовестность в отношении доверителя. Указанное дисциплинарное взыскание не снято. Кроме того, Совет учитывает позицию адвоката Р. о том, что «...никакого отношения к Адвокатской палате она иметь не хочет», при этом совершенные дисциплинарные нарушения она не признала. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающую требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности было бы не только несоразмерным характеру и тяжести нарушений, но и могло бы косвенно свидетельствовать о совместимости подобного профессионального поведения со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Р. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности приведенных выше обстоятельств, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в один год.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката В. за допущенное ею нарушение, Совет принимает во внимание, что оно совершено умышленно, однако учитывает, что адвокат В. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, тяжких последствий для доверителя в результате ее действий не наступило. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвокатов Р. и В. в оставшейся части.

Заявитель Х. не конкретизировал данные, которые, по его мнению, адвокат Р. должна была включить, но не включила в исковое заявление, и не привел конкретные юридически значимые обстоятельства, которые она, по его мнению, не отразила в этом заявлении. Такое дисциплинарное обвинение является неконкретным. Как следует из материалов дисциплинарного производства, составленное и поданное в П. районный суд города Москвы исковое заявление было принято судом к производству, рассмотрено по существу, и по результатам рассмотрения по гражданскому делу Х. ...было вынесено решение. Никаких претензий к содержанию искового заявления со стороны судов первой и апелляционной инстанций предъявлено не было.

Х. также считает, что адвокат Р. ввела его «...в заблуждение, предоставив недостоверную информацию об исходе дела, чем принудила заключить соглашения об оказании юридической помощи...». Однако Х. не указал, какая именно недостоверная информация об исходе дела ему была предоставлена адвокатом Р., и в чем конкретно выразилось принуждение к заключению двух соглашений об оказании юридической помощи.

Также не конкретизирована Х. и претензия в отношении адвокатов Р. и В. в передаче ему «документов по Московскому городскому суду».

Согласно подп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей.

Жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если они поданы в письменной форме и в них указаны, в частности, обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, сообщением, основывает свои требования и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, перечень прилагаемых к жалобе, представлению, сообщению документов (подп. 7, 8 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (в данном случае в пользу адвоката).

Совет отмечает тот факт, что в процессе рассмотрения дисциплинарного производства заявителю было предоставлено время для конкретизации и уточнения его претензий в

отношении адвоката Р., в связи с чем рассмотрение дисциплинарного производства было отложено с 28 ноября 2018 г. на 23 января 2019 г. Х. подал вторую жалобу как в отношении адвоката Р., так и в отношении адвоката В., но уточнения и конкретизации своих доводов в части его претензий к содержанию искового заявления, введения его в заблуждение при заключении двух соглашений с адвокатом Р. и в части невозврата ему документов Х. не привел.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Требование заявителя Х. оказать содействие в возврате ему денежных средств, которые он выплатил адвокату Р. в качестве ее гонорара, находится за пределами компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы.

В соответствии с п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве могут быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты».

Таким образом, компетенция Совета и Квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации строго ограничена и не может быть расширена за счет рассмотрения других вопросов. В случае возникновения разногласий относительно размера выплаченного адвокату вознаграждения все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Дисциплинарное производство в этой части также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя Х. в том, что лишь со слов адвоката Р. ему стало известно о том, что она подала апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции, но с данным документом Х. по неизвестным ему причинам ознакомлен не был, Совет вслед за Квалификационной комиссией признает это обвинение несостоятельным, поскольку в письменных объяснениях, поступивших в Адвокатскую палату города Москвы 27 ноября 2018 г. ...Х. указал, что какие-то документы адвокат Р. пересылала ему с использованием мессенджера WhatsApp, но какие точно, он сейчас не помнит, впоследствии эти документы непонятным для него образом исчезли из мессенджера WhatsApp.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. в этой части непровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

